

ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© 2008 В.Н. Гуреев

В каждую конкретную историческую эпоху складывается своя социально-философская концепция человека, под которой традиционно понимается *“система ценностных ориентаций, устойчивых внутренних мотивов и установок человеческой деятельности, обусловленных социально-экономическими и духовными условиями и выражающих как общественные настроения и социальные чувства, так и умонастроения личности, ее отношения к человеку, обществу и миру”* [1].

Одновременно в искусстве утверждается **художественная концепция человека**. Безусловно, при этом художники не могут не испытывать на себе влияние и социально философской концепции человека, доминирующей в обществе в данный момент. Однако художественная концепция человека не исчерпывает всего многообразия социально-философской концепции человека. Она стремится вобрать множественность проявлений человеческой индивидуальности в общественной жизни, передать противоречивую сложность человеческих контактов и в конечном счете повлиять на формирование определенных общественных настроений, на создание различных вариантов коллективных настроений и тем самым выразить неподчинение, несогласие с доминирующими, но уже исчерпывающими себя трактовками концепции личности.

В атмосфере советской действительности 70-х годов продолжала формироваться советская концепция личности, предусматривающая в качестве основных атрибутов советский патриотизм, верность общественному долгу, социальную активность, гражданское мужество, глубокое осознание норм нравственности и недопустимости отступления от них.

В подобном подходе явно просматривалась оглядка на основополагающие идеологические установки, изложенные в партийных документах, включая Программу КПСС, в которой прямо ставилась задача воспитания человека, *“гармонически*

сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство” [2].

Многие исследователи проблемы человека, принявшие на вооружение идеологические постулаты поздней советской эпохи, в своих суждениях исходили из того, что наш человек (равно как и все советское общество в целом) пребывает в состоянии непрерывного духовного роста, что развитие человечества — это поступательный духовный процесс, которому, в свою очередь, должен сопутствовать и нравственный прогресс.

Таким образом, официальная советская идеология, усиленно и целенаправленно воздействующая на общественное сознание, безоговорочно утверждала мысль о преобладании в человеке социалистической эпохи именно положительных начал. Подобная концепция преподносилась как единственно верная и истинно марксистская.

Между тем реальная действительность все чаще давала основания усомниться в правоте таких суждений. Негативные проявления человеческой природы напоминали о себе на каждом шагу. Ибо *“человек социалистической эпохи”* отнюдь не спешил избавиться от своих пороков — эгоизма, трусости, лицемерия, инертности, приспособленчества... Одновременно растет понимание того, что именно этот фактор становится серьезным препятствием на пути построения гармонического общества. Наивная, безоглядная (и мало обоснованная!) вера в неизбежное торжество в человеке светлого начала постепенно сменяется все более реалистической оценкой человека 70-х гг.

Советское общество в это время вступает в последнюю фазу своего существования. Постепенно (но со все большей силой) коммунистические идеалы начинают утрачивать свою привлекательность. Расхождение между словом и делом становится чем-то все более и более привычным. Размываются коллективистские начала, и эгоистическое в человеке все чаще берет верх. Традиционные нормы народной

нравственности то и дело начинают ставиться под сомнение. Правда, в социальной жизни человек большей частью проявляет достаточную осторожность, воздерживается от прямого и открытого выражения своего мнения. С другой стороны, осознание незыблемости основ жизни, стабильности своего существования порождает вялость, инертность, апатию.

И в это самое время с подачи идеологических структур продолжает насаждаться образ социально активной личности, образ человека-творца, человека, преобразующего мир, — то есть фактически разговор непрерывно ведется не столько о человеке, какой он есть, сколько о человеке, каким он *должен быть*. Предлагаемой схеме покорно следовали *“некоторые литераторы, выступавшие в печати на моральные темы, за основу своего анализа нравственного сознания бравшие выдуманные мысли и чувства литературных героев, не замечая, что творится в действительной жизни вокруг них самих”* [3].

В то же время объективно своим содержанием литература и искусство 70-х годов решительно развеивали необоснованный оптимизм во взгляде на человека, показывая, что человек по своей природе нередко весьма эгоистичен и требуются сильные (порой даже очень сильные!) стимулы, чтобы побудить его отказать от своих личных интересов ради блага другого.

В результате *трактовка человека в научно-теоретических работах и в художественной практике 70-х гг. существенно различилась*. Это, может быть, было не столь уж заметно в литературе, посвященной теме “боевых и трудовых свершений советского народа”, но зато отчетливо просматривалось в произведениях, обращенных к повседневной жизни современников, теме любви и межличностных отношений.

Рассматривая, например, поведение современного человека в любовной коллизии, авторы таких произведений вносили свои коррективы в понимание человеческой природы вообще и тех изменений, которые произошли с человеком за последние годы в частности.

А изменения были, и весьма существенные. Начиная с 60-х — 70-х годов отчетливо обозначился ранее невиданный в истории кризис всех сторон личной жизни. Снижается накал человеческих эмоций. Естественные и искренние человеческие чувства все больше оттесняются прагматизмом. Из жизни исчезает романтическая любовь, уступая место кратковременным связям и голому расчету. Все громче слышны высказывания о кризисе семьи и института брака. <...>

Отмеченные процессы красноречиво говорили о том, что человек меняется. И, изменяясь, он, естественно, по-разному воспринимает мир,

по-разному реагирует на внешние раздражители, по-разному выявляет свое состояние, в том числе и состояние влюбленности. Поэтому совсем не удивительно, что любовь со временем тоже становится иной. *“Любовь меняется, ибо меняется сознание и духовное содержание человека... — справедливо отмечал в своей работе «О любви» Ю. Мандельштам. — Средневековый человек любил не так, как древний эллин, гуманист. И наша любовь, конечно, не вполне похожа на любовь героев Тургенева и даже Толстого, или хотя бы на любовь непосредственно предшествовавших нам поколений”* [4].

В любом случае определенные (и достаточно заметные!) изменения в характере переживания человеком состояния любви в 60-е — 70-е гг., конечно же, происходили, и прямым следствием этого стало то, что любовь начинает качественно иначе изображаться в искусстве.

Это можно пронаблюдать, скажем, на примере произведений ряда писателей, из числа так называемых “сорокалетних”, которые в числе прочего стремились постичь сущность современного человека через любовную коллизию. При этом “сорокалетние” решительно отказывались от изображения преувеличенной любовной страсти в худших литературных традициях — т. е. демонической по силе и театральной по форме. Они предпочитали изображать любовь своих героев совершенно такой, какой была она в реальной жизни. Иными словами, один из художественных принципов “сорокалетних” заключался в том, чтобы показывать любовь *обыкновенную*, а не *исключительную*.

Вывод, к которому в конечном счете приходили писатели, оказывался неутешителен: во многих своих проявлениях — в том числе и в любви — современник часто ведет себя неискренне, а то и попросту недостойно.

Именно таков, к примеру, герой романа Р. Киреева “Апология” Иннокентий Мальгинов, для которого собственное спокойствие все-таки оказалось превыше всего. Даже искренняя любовь к Фаине не смогла его заставить сделать решительный шаг в соответствии с собственными чувствами (ведь в этом случае пришлось бы ломать свою удобную и налаженную семейную жизнь). Вместо этого, охваченный стремлением скрыть ото всех свою связь с Фаиной, он фактически становится виновником смерти любимой женщины. Безусловно, невольным виновником. И ему невозможно предъявить обвинение по статье закона (тем более что об его участии в судьбе Фаины вообще никому не известно). Но человеку дано понимание нравственного закона, способное вызывать угрызения совести. В конечном счете это должно приводить к раскаянию.

Однако, как показывает Р. Киреев, вместо раскаяния человеческое сознание совершает самые немислимые кульбиты, занимаясь самооправданием. Именно такую тактику избирает Мальгинов. Сходным же образом в романе “Победитель” ведет себя и другой киреевский герой – Станислав Рябов.

А вот инженер Михайлов из повести В. Маканина “Отдушина” прямо превращает любовь в предмет коммерческой сделки. Для него, человека уже немолодого, обремененного семьей и текучкой дел на фабрике, вечера, которые удавалось проводить вместе с незамужней Алевтиной Нестеровой, были единственной в жизни “отдушиной”. Поэтому когда в квартире Алевтины стал появляться университетский преподаватель Стрепетов, то Михайлов встревожился не на шутку и начал действовать.

Но вот что интересно: после долгой и небезуспешной борьбы за свою возлюбленную он в конце концов уступает ее своему сопернику. Это становится своеобразной платой за содействие в поступлении в вуз сыновьям Михайлова.

Таким образом, сорокалетние герои “сорокалетних” писателей оказывались достаточно далеки от того представления о человеке, которое настойчиво насаждалось вопреки реальному положению вещей.

К аналогичным выводам приходили в 70-е гг. и многие другие писатели. В частности, интересные наблюдения над поведением современного человека были сделаны в “московских” повестях Ю. Трифонова, где автор также активно использовал ситуацию любовного выбора. Перед таким выбором оказываются, например, герои повестей “Долгое прощание” и “Дом на набережной”. Первое из произведений в числе прочего содержит мысль о том, что человек, обостренно воспринимающий царящую вокруг безнравственность, в то же время оказывается неспособен вступить в борьбу с этой безнравственностью. Ему не хватает духа для открытого протеста.

В повести же “Дом на набережной” особый интерес представляет история развития отношений Вадима Глебова с профессорской дочкой Соней.

Когда в самом конце 40-х гг. Глебов стал студентом и в числе своих преподавателей увидел Ганчука, то, смекнув, что последний может ему

оказаться полезен, тут же возобновил отношения со своей бывшей одноклассницей Соней Ганчук. По мере развития событий Глебов все чаще стал бывать как в квартире, так и на даче Ганчуков и в какой-то момент подсознательно понял, что вполне мог бы быть здесь не гостем, а хозяином (тем более, что Соне Ганчук он нравился еще со школьных лет). И с этого времени Глебов вдруг действительно начал ощущать в себе какие-то чувства к Соне. А между тем как раз в это время в стране начались известные гонения на научную интеллигенцию, и в число “гонимых” попал профессор Ганчук. Глебов вскоре осознает, что в изменившейся обстановке любые отношения с Ганчуком (а тем более отношения семейные) не сулят ничего, кроме неприятностей.

И все это ощутимейшим образом начинает сказываться на тех чувствах, которые испытывал Глебов к Соне и которые стали с каждым днем все более слабеть и в конце концов как-то незаметно улетучились. За всем этим просматривается интересная закономерность: любовь оказывается в прямой зависимости от материального расчета. Высокие чувства все больше вытесняются прагматизмом, в угоду чему приносится даже любовь.

Эти и подобные мысли весьма нередко присутствуют в произведениях поздней советской эпохи. Их можно встретить в книгах Ф. Абрамова, Д. Гранина, С. Залыгина, В. Тендрякова и др.

Таким образом, литература 70-х – начала 80-х гг. вносила существенный вклад в формирование концепции человека, во многом “корректируя” иные отвлеченные теоретические рассуждения на этот счет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жулинский Н.Г. Человек в литературе. Общественные ценности и проблема художественного характера / Н.Г. Жулинский. – Киев: Наукова думка, 1983. – С. 66-67.
2. Программа КПСС. М.: Политиздат, 1972. – С. 64.
3. Киссель М.А. Историческое сознание и нравственность / М.А. Киссель. – М.: Знание, 1990. – С. 7.
4. Мандельштам Ю. О любви // Человек. – 1992. – № 1. – С. 53.